АЛДАМ ТЕРЛОЙСКИЙ

Случилось это во времена Шамиля. Люди Шамиля из дагестанцев, говорят, убили одного ингуша. Его родственники решили отомстить и поехали во главе с Альтимаром в Чечню на поиски убийцы. Отомстив, они возвращались уже в Ингушетию, но их настигала погоня.

Так они доехали до Терлоя (ТIерла), но, видя, что не смогут уйти от погони, стали кричать в одном селении: «Гостя принять кто-нибудь есть здесь?». Рубивший, в это время, дрова во дворе Алдам услышал их, и принял у себя. Ингуши сразу же рассказали о причине своего обращения, и Алдам, по законам гостеприимства, стал готовиться к обороне вместе с гостями. Когда Шамиль со своими мюридами подъехал к башне и потребовал выдачи ему ингушей, в ответ раздались выстрелы. Началось сражение, которое длилось несколько дней.

Не имея возможности взять башню приступом, один мюрид незаметно подкрался к ней, и заложил порох. Раздался взрыв, но башня осталась невредимой, только несколько кусков черепицы упало с крыши, говорят.

Тогда Алдам крикнул Шамилю: «Дагестанский порох если бы смог разрушить башню, Уда, сын Меты возводить не стал бы ее».

Видя, что силой не одолеть, Шамиль начал переговоры. Защитники башни откликнулись, так как воды и еды уже не осталось. Шамиль требовал, чтобы Алдам впустил их в башню для разговора. Алдам согласился, но взял в заложники по несколько мюридов за каждого защитника, говорят. Когда разговаривали во дворе, мюриды предложили защитникам воды. Альтимар взял воду, но не стал пить, а лишь прополоскал рот, сказав при этом: «Иза-м оцу чохь шорта ма дуй» («Этого-то внутри вдоволь»). Остальные последовали его примеру. Уже потом, когда у Альтимара спросили, зачем он так сделал, говорят, он ответил: «Чтобы они не подумали, что мы и так умрем от жажды, без всякого сражения, если подождать».

Шамилю понравилась храбрость защитников башни, и он снял осаду. Ингушей отпустили домой. А Алдам после этой истории стал наибом Шамиля. В честь своего

нового друга Альтимара Алдам назвал одного из своих сыновей. Связь с потомками тех ингушей поддерживалась до депортации.

АЛИ, СЫН ГЕЗАМА И ТУЛЛАМ-ОГО[38]
(ГIЕЗАМАН IЕЛИЙ, ТУЛЛАМ-ОГIОЙ)

Жили Гезамха и Али Гезамов, отец и сын из чеченцев. Однажды сын задумал отправиться в горы, чтобы преумножить отару овец. С этой целью он ушел в горы.

Туллам-Ого был сильнейшим из нартов. Он был из тех, чье имя не смел произнести ни один из жителей девятитысячного города. Он пошел к Али Гезамову. Конь у него был с гору, а сам он — с пол горы. «С его согласия или без, я приведу и его и его овец», — сказав, пошел Туллам-Ого. До полудня его конь дошел до места, а к полудню подошел Туллам-Ого[39], о котором так много слышал Али Гезамов. Али Гезамов первым приветствовал Туллам-Ого. После этого в сердце Туллам-Ого закралось опасение. Как гостю помог Али Гезамов спешиться Туллам-Ого.

Присмотревшись, Али Гезамов подумал: «Интересно, сколько баранов нужно скормить этому гостю, чтобы от него отделаться? Он сможет съесть только одного барана, да и то хорошо, если осилит», — подумал он. Затем, он зарезал по одному барану — себе и гостю. Али Гезамов, приглядывался, как он ест. Тот ел медленно. Туллам-Ого еще и пол барана не съел, когда Али Гезамов съел целого. Туллам-Ого еще и чашки бульона не осилил, когда Али Гезамов выпил целый котел. Когда рассвело, отогнав своих овец подальше, Гезамов Али спросил Туллам-Ого: «Зачем ты пришел? Не без дела же ты пришел. Теперь я готов тебе помочь».

— Мое-то дело не большое. Услышав, что ты пришел в эти края, завязать с тобой знакомство-дружбу я пришел, — сказал Туллам-Ого.

Туллам-Ого ушел домой. После этого прошло четыре года. Своим невеждам-нартам он сказал: «Отара Гезамова Али приумножилась — прошло четыре года, как я был там. Идите, и приведите его стадо — с согласия или без оного. Если он согласится, то и его приведите. Они пришли к Гезамову Али. А было их — 63 нарта.

— Если ты согласен, тебя увести и твое стадо угнать мы пришли, — сказали они ему.

— Я-то не пойду, а стадо дам увести, — ответил Али Гезамов.

Погоняя овец, нарты ушли. После того, как они скрылись, Али Гезамов оседлал коня и поскакал домой. К отцу, сидевшему на аульной площади (пхьоьгIа), обратился он: «Дада, зашел бы ты домой, у меня к тебе дело есть». Отец пришел домой.

Он (Гезамов Али) сказал матери: «Нарты угнали моих баранов, и я вернулся домой. 63 стрелы приготовь мне». А сам начал готовить арбалет. Мать наставляла его: «Идем, поешь. Один раз куснешь — сил на двадцать (человек) обретешь, два раза — на сорок, три раза — на шестьдесят». Кусок ему в горло не шел, но трижды, откусив, приготовился пойти за нартами. Мать сказала ему: «Если ты по селу быстро помчишься — то скажут, что ты догнал их, испугался и вернулся. Если ты медленно пойдешь — скажут: «Он по селу медленно шел, видно не догнал». Из села он вышел медленно, а потом пришпорил коня. Самый трусливый нарт оглянулся и увидел искры. Нарт спросил своего главаря: «Что за огонь к нам приближается?». «Это искры из глаз коня Али Гезамова стучатся о скалы». «А что за туман там расстилается?» — «Это пар из ноздрей коня Али Гезамова», — ответил главарь. «Может нам бежать, бросив отару?» — опять спросил нарт. «Можно было бы бежать, но Туллам-Ого убьет нас, а если останемся Али Гезамов нас убьет», — ответил главарь.

Али Гезамов настиг их и своими шестьюдесятью тремя стрелами уничтожил все шестьдесят три нарта и, забрав свои вещи из кутана, вместе с отарой вернулся в дом отца. Вернувшись, он сказал отцу: «С твоего позволения я хотел бы навестить своего друга Туллам-Ого». Отец дал свое согласие и отправил сына к другу. У того была очень красивая жена. Как только она увидела Али Гезамова, она сразу в него влюбилась. Она рассказала Али Гезамову о подлости, которую совершил Туллам-Ого по отношению к нему. Утром Али Гезамов сказал ему: «Я узнал о твоем коварстве, ты должен со мной драться». «Как я буду драться, я ростом с полгоры, ты даже не сможешь меня поднять», — сказал Туллам-Ого. «Ты увидишь смогу или нет во время драки», — ответил Али Гезамов. Они стали бороться. Али Гезамов схватил Туллам-Ого и тот по колено ушел в землю, потом Али Гезамов ушел в землю по колено. Потом Али Гезамов схватил Туллам-Ого и так швырнул его, что тот до сердца ушел в землю. Али Гезамов хотел ему голову отрубить,

но тот взмолился: «Не убивай меня, я сделаю все, что ты скажешь».— «Тогда носи сюда землю из другого места и сделай три холма, потом вспашешь эти три холма», — сказал Али Гезамов и с пленниками вернулся к отчему дому. С тех пор вспаханные холмы в народе назвают «Аккен-Борзе».

Записал Мальсагов Ахмад в 1957 г. в г. Грозный от Ибрагимова Ихвана. Этот сюжет он слышал от своего деда. Напечатано в «Орга», 1977, № 1 //НФ. Перевод Хеди Цураевой.

Чеченское оружие периода до Кавказской войны. (Фото Марковин 1994)

АСИРБЕК

Богат Кавказ, красив Кавказ, буйны потоки его. Нет такого солнца в мире, нет такого неба, каким благословил Аллах горы свои.

От моря и до моря лег богатырь Кавказ. Утесы и вершины, седой Казбек гордо смотрят на серые степи России, на бесплодные земли Падишаха...

А в груди Кавказа бесчисленные богатства — золото, серебро, железо. Кровь Кавказа — черная кровь, слезы Кавказа — целебные воды, лечит ими своих детей.

Как богач гроши, выкидывает он бесценные богатства жадным, ненасытным людям...

А было время — другие были люди. Не те, что теперь живут на теле Кавказа, как паразиты. Другие были люди: они не искали золота, они не рвали грудь Кавказа, не пили его черную кровь.

А были те люди смелы и свободны, как был свободен отец их, Кавказ...

А когда пришли с Севера враги, шашкой и пулей встретили их свободные горные соколы. Бурей откликнулся Кавказ, задрожали скалы и утесы, заревели потоки в ущельях...

Полвека бились. Пали лучшие сыны Кавказа, спаслись гнилые и слабые. Некому стало защищать мятежные горы. Сковал победитель цепями Кавказ, рабами сделал его детей. А дети рабов еще худшие рабы и никогда, никогда им не узнать свободной жизни...

Лишь иногда среди рабов блеснет джигит, смелый и свободный, и умрет одинокий в бою с тоской и болью об утерянной свободе.

А после смерти джигита толпа трусливых рабов ликует. Лишь Кавказ тоскует о погибшем джигите и хранит в глубине ущелий и гор песни о погибшей, но могучей душе.

Трусливые, жалкие рабы спокойно слушают эти песни, а потом... потом мирно пашут, сменив шашку буйной свободы на плуг позорного рабства. И тогда Кавказ, как сегодня ночью, стоном стонет, седые горы плачут горячими слезами, черная кровь сочится из ран... Разве не слышишь ты, слушай, как зовет Кавказ: «Сыны могучих отцов! Отчего вы так жадны к грошам моим — к металлу и хлебу — и так презираете мои сокровища, которым нет цены? Отчего вы не берете силу яркой и смелой жизни, любовь к свободе?»

Но... молчат рабские аулы, глухи они к горным призывам... Оттого грустен Кавказ, суровы и печальны песни его...

Лишь один Асир никогда не пахал, не сеял и не торговал во всем ауле. Все жили непосильным трудом и, как рабы, хотели только сытости и покоя. Асир же жил ночной добычей за буйным Тереком у сытых станиц. Его мятежная душа искала свободы, тешилась веселой абреческой игрой среди станиц. Не было власти для него, не было закона, ненавидел он рабов и гордых северных победителей...

Однажды на свадьбе увидел Асир красавицу Нанту. Сам не свой стал Асир, и скоро все мысли и чувства были заняты ею одной...

А Нанта? Нанта не любила джигита, и напрасно добивался Асир ее любви. Возил ей шелк и драгоценности, бросал к ногам Нанты и говорил:

— Это не потом и не рабством добыто, а силой. Хочешь докажу тебе мою любовь: требуй невозможного, я или выполню невозможное, или погибну...

Но холодной оставалась Нанта, и безжалостен был ее ответ:

— Дары твои принимаю, чтобы не оскорбить тебя, ты прекрасен, Асир, но все же я не люблю тебя...

Точно ножом резала Нанта сердце Асира...

Однажды ночью в ауле раздались выстрелы, крики, лай собак. По улицам бежали вооруженные мужчины, скакали всадники. Выскочил и Асир с винтовкой и смешался с толпой, которая слушала жалобно причитавшую старуху:

— Увезли, злодеи, увезли дочь мою... Аллах, о-о-о, спаси ее, спаси дочь мою!

Асир не узнал ее в темноте, но старуха вдруг с плачем и проклятьями завыла:

— Нанта, Нанта, кто даст теперь отдых костям моим?..

Тоской сжалось сердце Асира: «Так вот... сбежала с любимым...»

Бросился домой, вскочил на коня и два дня носился за Тереком у станиц, два дня топил злобу и тоску в крови казаков...

А когда вернулся в аул, узнал радостную новость: Нанту похитили против ее воли. Через верного человека Нанта передавала Асиру, чтобы доказал любовь свою.

Догадался Асир, о чем просила Нанта. Наточил шашку, осмотрел винтовку и выехал из аула. Нанту похитил Ахмат, сын богатой и сильной семьи в соседнем ауле, и сегодня у них свадьба. Не добрым гостем ехал Асир на веселую свадьбу.

Подъехав к дому Ахмата, Асир сдавил бока коня, пригнулся, гикнул и перелетел через плетень во двор. По принятым обычаям Асир показывал искусство джигитовки, а сам зорко смотрел кругом и скоро увидел Нанту в толпе женщин под прозрачным покрывалом. Переглянулся Асир с Нантой и отъехал от толпы. Резко осадил коня, вздернул на дыбы, гикнул и бросил вперед бешеным прыжком. Толпа разбежалась, раздался выстрел из винтовки Асира. Тогда Нанта бросилась навстречу Асиру. Еще миг — и подомнет ее конь под себя. Но в следующий момент все увидели ее на руках Асира, а сильный и быстрый конь вновь перелетел через плетень. Только легкое облачко покрывала осталось на плетне. Крики, выстрелы, друзья Ахмата бросились к лошадям, но Асир уже скрылся.

Мчится Асир, крепко прижимает Нанту. Рвет бурку ветер. В груди кровь горячее огня жжет сердце, а тело дрожит в лихорадке. Скачет Асир, шепчет Нанте:

— Нанта, Нанта, скажи, любишь ли ты меня? Скажи и не надо тогда мне жизни. Хочешь, бросимся сейчас вместе в пропасть? Умрем, Нанта, хочешь?

Безумные слова рвались из разгоряченной груди Асира, а Нанта молчала. И Асир, боясь себя, боясь ответа Нанты, безжалостно гнал коня, своего лучшего друга, который был ему дороже всего на свете.

У порога дома Асира конь весь в пене, тяжело дрожа, упал и сдох. Не видел Асир смерти своего лучшего друга, перед ним стояла Нанта, смущенная, не смея поднять глаза на него.

— Нанта, Нанта, — шептал Асир и крепко сжал ее руки.

— Оставь, — и вырвала девушка свои руки. Потом, смело посмотрела ему в глаза и сказала: — Ты могуч и прекрасен, Асир, но все же я не люблю тебя...

Побледнел Асир, злобная усмешка скривила лицо:

— Любишь ли ты хоть кого-нибудь?

С усилием подавляя смущенье, Нанта ответила:

— Да, люблю, люблю так же сильно, как ты меня... люблю и не могу жить без Кагермана...

— Кагермана торговца? — закричал Асир.

— Да, его...

Взбешенный, бледный Асир бросился к Нанте, блеснул кинжал. Нанта шагнула навстречу, подставляя грудь под сверкавший клинок. Взглянул Асир в глаза Нанте, и задрожала рука, выпал кинжал, со звоном ударился о камень.

— Убей, Асир, — дрожали побелевшие губы Нанты, — убей, ты в праве взять мою жизнь...

Но Асир был уже спокоен. Молча взял Нанту за руку и повел ее к дому Кагермана. Навстречу им вышла старуха-мать Кагермана.

— Вот невеста твоего сына, — сказал Асир, — они любят друг друга, да благословит Аллах их союз. Кагерману же скажи, чтобы избегал встречи со мной. А почему, пусть скажет Нанта...

Сказал и спокойно ушел, ни разу не оборачиваясь.

Прошло пять лет... По всей Чечне гремело имя Асира-абрека, отвергшего и бога и людей. Асира проклята вся страна, его именем пугали детей.

Асир ненавидел людей-рабов, убивал, жестоко мучил их, никому не давая пощады. Он ругался над святыми заветами адата, осквернял Коран и его истины... Проклял Асир тех, кто, как зверя, травил его, не видя его великой тоски по человеку, мстил им за себя.

А Нанта, слыша ужасы об Асире, задумчиво покачивала головой и вспоминала былые дни...

Нанта имела уже детей, и не стало былой красоты. Из девушки, за которую бились лучшие джигиты, превратилась Нанта в заботливую хозяйку и мать. Кагерман был первым богачом в ауле, пользовался почетом, любил жену и детей.

Но, вспоминая прошлые дни, Нанта чувствовала, что есть в них что-то, чего не давали ей ни Кагерман, ни дети, ни богатство, ни все заботы по хозяйству.

Пыталась Нанта забыть и отогнать воспоминания девичьей жизни, но они упорно возвращались, будили желанье изведать иную жизнь, жизнь вне сытого довольства...

Однажды весь аул взволнованно-радостно высыпал на улицы: люди со злобной радостью передавали друг другу, что убийца и вор Асир-абрек ворвался в казачью станицу, был убит, а тело его выбросили шакалам...

Трусливые шакалы растащили тело абрека, но осталась по нем песня. И будет песня жить до тех пор, пока есть еще сильные люди среди Кавказских ущелий...

Услышала Нанта о смерти Асира и низко склонила голову. Крупные слезы брызнули по лицу...

О чем плакала Нанта — Аллах ведает: темна душа человеческая, еще темней душа женщины...

Записал в 1923 г. Костерин А. // Из сборника «Перевал». М. Гиз., 1923, № 1, с. 248—257.

АСТЕМИР ИЗ ШАТОЯ

В Надтеречном районе, в селении Али-Юрт проживали: Астемир из Шатоя, Тепсарко — сын Мии, Иса — сын Басора и князь Кагерман[40].

Правнуки Астемира говорят, что и сейчас его потомки проживают в ауле Верхний Наур.

Астемир из Шатоя в песнях и сказаниях славится как один из мужественных чеченцев того времени. Он угонял скот богачей, раздавал его бедным и сиротам. Вступал в бой с русским начальством и был прославлен как один из героев.

Иса — сын Басора, и Тепсарко — сын Мии тоже славились в Чечне, но ничего особенно выдающегося я не знаю, чтобы рассказать о них.

Знаменит был и славился князь Кагерман; он был богат, имел землю в Надтеречном районе. В богатстве он мог спорить с такими героями, как Астемир из Шатоя и другие.

Однажды генерал, проживавший за Тереком, прислал письмо к князю Кагерману:

«Если прилагаемое при сем письмо не будет доставлено в город Буре, то вы лишитесь княжеского титула, и я вас вышлю».

Получив такое письмо, Кагерман опечалился, сидел и думал. В это время дочь князя Кагермана вернулась с речки с кувшином воды и, увидя отца печальным, спросила:

— Отец, почему ты такой грустный? Что с тобою случилось?..

Отец ответил:

— Я получил письмо от генерала с приказанием доставить его в город Буре. Поэтому я обратился к Исе — сыну Басора и к Тепсарко — сыну Мии. Они мне ответили: «Только птица может долететь; проехать никак нельзя

туда — все дороги заняты противником. Из-за письма мы не станем рисковать жизнью»... Вот почему я и печален.

Дочь ответила отцу:

— Сын Басора — Иса и сын Мии — Тепсарко, которым ты даришь свою старую одежду и таких же коней, не смогут этого сделать. Но вот на краю нашего аула живет сын одной вдовы, Астемир из Шатоя; он каждый вечер и утро, когда я хожу по воду, встречает меня и говорит мне: «В Чечне нет другого молодца, за которого ты могла бы выйти замуж, кроме меня». Он просит выйти за него замуж. Он может это сделать, обратись к нему!..

— Если ты его встретишь, то скажи ему, что я его зову к себе, — ответил князь дочери.

В один прекрасный вечер с белым кувшином, в зеленых чувяках пошла по воду дочь князя Кагермана.

Держа в поводу своего гнедого коня, пришел на речку и Астемир. Поставив свой кувшин на землю, подошла к Астемиру дочь князя Кагермана и сказала ему:

— Отец мой просит, чтобы ты зашел к нему.

Не долго ожидая, Астемир оседлал своего коня, накинул на себя бурку и отправился к князю Кагерману.

Князь Кагерман подробно рассказал суть дела Астемиру. Астемир ответил:

— Письмо обязательно доставлю, но вернусь ли я живым домой — неизвестно. — И с такими словами Астемир принял письмо от Кагермана.

Кагерман сказал ему:

— Если довезешь это письмо и вручишь его генералу, то денег и другого добра я тебе дам, сколько хочешь.

Астемир на это ответил князю Кагерману:

— Ни денег, ни добра твоего мне не надо; в случае, если я не вернусь обратно, то просьба: в год два мешка муки и одну рубаху давать моей бедной матери, которой некому будет помогать, когда не будет меня.

Взял Астемир письмо и тронулся в путь. Несколько десятков засад проехал он; некоторые засады разгонял он оружием, а некоторые сами пропускали его.

В это время жил в Галашках один ингуш, по имени Актемир; он был известен всюду и сильный человек. Актемиру донесли, что едет один всадник, как быть с ним? Актемир ответил:

— Это, вероятно, Астемир из Шатоя. Его надо пропустить, ибо он уложит многих людей, если вступите с ним в бой.

Таким образом, Астемир доехал и вручил письмо генералу. Генерал удивился приезду Астемира и сказал ему:

— Сегодня ты должен переночевать здесь; завтра отходит этап через Прохладное на Моздок, с этим этапом я тебя отправлю обратно.

Астемир ответил:

— Я не русская женщина, чтобы разъезжать с этапом! Ты скорей напиши ответ на письмо и передай мне... Я могу поехать и без этапа!..

Получил ответ от генерала и вернулся обратно Астемир. По дороге он наткнулся на засаду, устроенную Актемиром.

— Приготовь свое оружие и начинай бой! — крикнул Актемир.

Сейчас же приготовил свое оружие Астемир и ответил:

— Начинай бой ты, ибо я нахожусь на твоей земле!..

— Ты мой гость, начинай бой ты! — ответил Актемир.

В конце концов, начал бой Актемир, но, выстрелив, промахнулся.

Тогда Астемир выстрелом из ружья убил Актемира и беспрепятственно вернулся домой.

С тех пор дорога стала безопасной, и люди свободно разъезжали по этой дороге.

Записано в селе Гойты. Сказитель не указан // ЧИФ, с. 246—248.

БАЙМАРЗА, УБИТЫЙ В ХАРСЕНОЕ
(ХОРСЕН-ПХЬАНАРАХЬ ВИЙНА БАЙМАРЗА)

Богатство и скота много имели люди из Харсеноя (Хорсен-Пхьа) семейства (гІар) Баймарзы. Вероломно убив Баймарзу, его скот увести поклялся Шамиля наиб Махмаев (Махьмин) Алдам. Со своим отрядом, сказав, что он пришел в гости, остановился ночевать у Баймарзы наиб Алдам. Зарезав много баранов, с большим почетом принял Баймарза своих гостей. Ночью, на зашедших поставить гостям угощение Баймарзу и его брата накинулись Алдамовы воины. Обоих хозяев убив, их имущество забрав, в ту же ночь ушли алдамовцы. Ульи, что не смогли унести, сбросили в обрыв они. На месте, куда были сброшены ульи, долгое время лужа меда стояла.

Записал Серажди Умаров в с. Серноводске со слов Садаева Шамиля, уроженца Терлоя // «Орга», 1969, № 1, с. 47—48.

БАЙСАНГУР БЕНОЕВСКИЙ
(БЕНОЙН БОЙСХАР)

После Гехинцев, в мнении Шамиля дурно стоит[41] вся Малая Чечня, Шубиты[42] и в особенности аул Беной в Ичкерии. Что же касается аула Беной, жители которого, как нам известно, всегда отличались преданностью к Шамилю и ненавистью к Русским, по убеждению Шамиля, не столько опасно их недоброжелательство, сколько фанатическая ненависть к Русским Наибам их Байсунгура по прозванию «Биргез»[43]. В награду необыкновенной храбрости и преданности делу Газавата, Байсунгур получил от Шамиля две медали. Когда Гуниб пал, Байсунгур поклялся всенародно не снимать своих медалей и не прекращать войны с Русскими до тех пор, пока не слетит с него голова.

Гази-Магомет отвечал, что незадолго до взятия нашими войсками Веденя, Шамиль получил известия, возбудившие в нем сомнение насчет верности Беноевцев; вследствие чего послал его с сильною партиею к Беною удостовериться в справедливости этих слухов, и во всяком случае взять аманатом самого важного, самого нужного для Беноевцев человека. Этим важным человеком оказался Байсунгур, отличавшийся знатностью рода и вместе с тем необыкновенным безобразием: рябой, одноглазый, с одной ногой, с одной рукой, искривленной в дугу — Байсунгур, по словам Гази-Магомета и самого Шамиля, чрезвычайно похож на шайтана.

Указывая на свои глаза, на руки и ноги, Байсунгур говорил Гази-Магомету:

— Все эти раны и увечья я получил сражаясь против Русских и теперь я уже больше никуда не гожусь. Подумай: не будет ли тебе стыдно, что ты возьмешь в аманаты этакую дрянь? Возьми-ка лучше кого-нибудь другого, от кого можно ожидать проку больше, чем от меня.

Ответ Гази-Магомета заключал в себе и уважение к заслугам Байсунгура и тонкую лесть, весьма искусно связавшую наружное его безобразие с внутренними достоинствами и с причинами, от которых безобразие произошло. Вообще же, из слов Гази-Магомета, Байсунгур должен был заключить, что его следует считать самым красивым молодцом во всем Дагестане.

Таким обращением, Гази-Магомет вызвал со стороны Байсунгура большое к себе расположение. Но оно обра-

тилось в чувство более сильное, когда Шамиль объявил ему, что убеждаясь его словами, он не хочет лишить Беноевцев их храброго Наиба; но имея надобность взять от них аманата, он считает в этом звании Байсунгура, которого оставляет дома, вполне доверяя его чести.

Выразив в то время Гази-Магомету благодарность, Байсунгур постоянно старался и потом пользовался всяким случаем, чтобы заявить ему свою симпатию.

Рассказал 9 июля 1860 г. Гази-Магомет, сын имама Шамиля, со слов жителей Чечни, явившихся к нему в Темир-Хан-Шуру // Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге.

Известный Наиб Байсунгур, решившийся умереть, но не сдаваться Русским, — видя нерасположение Беноевцев последовать его примеру, — удалился в окружающие Беной леса с целью поселиться там навсегда, для чего выстроил себе и дом. За ним последовали только три человека, а через несколько времени присоединились еще пять или шесть. Вскоре после того, к Беною явился с отрядом полковник Али-Бек Пензулаев, потребовавший от жителей содействия к розыску и поимке Байсунгура. Беноевцы отвечали, что для них Байсунгур не нужен и потому, искать его они не станут, а если нужен он отряду, то пусть отряд и ищет его: они препятствовать не будут.

На это им заметили, что если они не исполнят предъявленного требования, — то будут выселены из места своего жительства.

Эта самая угроза и была причиною их восстания.

В начале последних событий ему было предложено сдаться. Посланные флигель-адъютанта полковника Черткова, сделали это предложение, разговаривая с ним на кладбище. В ответ на их слова, Байсунгур указал на ближайшие могилы и произнес:

— Вот с ними говорите вы о вашем деле: они вас услышат скорее, нежели я.

— Да, это такой уж человек, я его хорошо знаю: он ни за что не изменит своему слову... Но, впрочем, он больше ничего не желает, как только умереть, сражаясь против христиан.

Шамиль говорил, что хотя наступающая зима и даст возможность окончательно справиться с Байсунгуром, — но что, во всяком случае, уничтожение его шайки

обойдется недешево потому, что Байсунгур не только сам не отдастся в руки живой, — но и сумеет передать энтузиазм своим людям, которые решились разделить его участь.

Таш-адам[44] Байсунгур! (камень человек Байсунгур!) что заберет себе в голову — ничем не выбьешь оттуда.

Рассказал 30 августа 1860 г. Гази-Магомет, сын имама Шамиля, со слов жителей Чечни, явившихся к нему в Темир-Хан-Шуру // Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге.

БЕЗМОЗГЛЫЙ МЕЛЬНИК
(ХЬЕ БОЦУ ХЬАРХО)

В Шамилевское время, работая на своей мельнице, с людей гарнцевый сбор получая, хорошо живя, один мельник был.

Имам газават объявил, «скорее, на войну спешите», сказал. Услышав это, свою мельницу продал и, мажарское ружье (мажар топ) купив, на войну пошел мельник.

В первом же бою, с толстой, как большой палец солдатской пулей в голове, мельника принесли домой.

Умевших трепанировать череп, двух майстинских мастеров пригласили.

На полати ничком уложили раненого. Во время трепанации, чтобы не елозил, один человек на ноги сел больному, другой на спину сел. Сжимая челюсти, не сломал чтобы зубов и чтобы не кричал, в рот угол стеганого одеяла всунули мельнику. Так раненого уложив, чтобы черепную кость истончить, острым инструментом соскребал лекарь-майстинец.

Пытаясь не закричать, испариной покрывшись, лежал раненый.

Скреб, скреб кость головы врач, пока кость совсем не истончилась.

— Осторожно, Осторожно скобли, — молвил помогающий лекарю. — Мозг повредишь... До мозга добрался?

Мельник, «тьфу» сказал, изо рта одеяла уголок выплюнув, сказал, говорят:

— Скобли, скобли, смелее. Мозгов там нет, а инача не пошел бы на эту войну...

Записал Халид Ошаев. Сказитель не указан // Орга, 1963, № 1, с. 55.

БЕРГ-БИЧА-КНЯЗЯ СМЕРТЬ
(БЕРГ-БИЧА-ЭЛАН ВАЛАР)

На берегу Аргуна в башнях «КIирда-бIаьвнаш» называемых живущий Берг-Бича, собирал дань (ял) со всех, кто жил вверх и вниз по реке Аргуну. Однажды с Майсты (МIайста) спускались семь человек. Остановив их, по мерке пороха отсыпать каждого заставил Берг-Бича. Когда они спустились чуть ниже, им встретился один майстинец, который поднимался в Майсту, неся на спине одну гирду (12 кг) толокна (цу).

— Когда ты поднимешься выше, Берг-Бича заставит тебя дань платить, — сказали они несущему толокно маистинцу.

— А что делать, я должен идти домой, — сказав, отправился дальше маистинец.

На дороге он нашел старый котел и бутылку. Бутылку в котел положив, котел закрыв, с этими посудинами в руках дошел до Берг-Бича маистинец.

— Высыпай мерку пороха, — сказал князь маистинцу.

— Оставь меня, пороха нет у меня, дома от голода ослабевшие дети у меня, — начал просить маистинец.

Не отставал от майстинца князь. Котёл, внутри которой была бутылка, что нёс он в руках, держа за ручку, начал крутить маистинец.

— Ты что делаешь, — сказал удивленный Берг-Бича.

— Я хочу, взорвав это, убить нас обоих, — сказал тот. Испугавшись этого дела, не заикаясь о дани, пропустил князь майстинца. Удивленный котлом майстинца заболел и вскорости умер Берг-Бича.

Записал Серажди Умаров в с. Итум-кале со слов Магомеда Борчашвили // «Орга», 1969, № 1, с. 47.

БИЙБУЛАТ ТАЙМИЕВ
(ТАЙМИН БИБОЛТ)

К Таймиеву Бийбулату... из соседнего села, в гости пришли три молодых человека. Они туда пошли, чтобы соседскую девушку Ану вызвать пообщаться (ирх Iа). До того, как выйти в путь, они посоветовались, и решили:

«Бийбулат известный на всю страну человек... Если мы придем к нему в гости, даже не зная нас, он окажет достойный прием... более того, уважение девушки к нам будет выше».

Они Майртупа достигли в сумерки. Вечером с места сельского схода люди разошлись по домам. Посредине

села, первого, парня, который попался им навстречу, они попросили довести их до Бийбулата. Этот парень довел их.

— Бийбулат, эти гости к тебе идут, — сказал сельчанин, и когда Бийбулат гостей завел, ушел.

А Бийбулат, когда гости расположились, вышел, их коням фураж и сено положив, поухаживал за ними. Затем зашел в дом, начав беседу, стал развлекать их, с дороги, чтобы они поделились спокойно о цели своего прихода. В это время в люльке заплакал ребенок. Бийбулат люльку пододвинул, и покачивая ее, продолжал с ними разговаривать. Хозяйка гостям еду готовила.

А двое старших из гостей, с пренебрежением подмигнули друг другу и усмехнулись. Эту картину Бийбулат заметил. После того, как им еду-питье поставили, привели Ану, и, с ней посидев, пообщавшись, гости настояли, что уйдут. Бийбулат проводил их, вернулся, быстро оделся, взял свое оружие, сел на своего коня, окружными путями догнал ушедших далеко от села и преградил дорогу.

— «Того, кто пикнет (иъ-миъ аьлларг) из вас, я подпалю... слазьте с коней», — сказал Бийбулат, и направил ружье.

Не сопротивляясь, и не смея даже, отдали коней.

Бийбулат, коней взяв, ушел.

Присев, они приняли решение: опозорились мы: у трех человек, крепких как чинара — более того, не получив и царапины, коней отобрали, а домой когда вернемся, люди узнают, что коней отдали мы... и оправдания нам нет... что же нам предпринять? — сказал один. Старший придумал:

«Что у нас, идущих от Бийболта, забрали коней, равная часть позора приходится на Бейбулата, и более того, мне как вашему предводителю нет права не найти ваших коней, мы должны вернуться к нему», — сказал. Порешив на том, пошли они, и дошли до Бийбулата... Как и раньше, их заведя, усадили за стол:

— Вы что? Почему вернулись? — спросил Бийбулат.

— В пути абреки коней отобрали у нас, — сказали они.

— Я эту люльку покачал, — сказал Бийбулат, — чтобы вам плач ребенка не мешал, и чтобы хозяйку не прерывать, которая вам готовила еду, и в этом нет стыда... ни у одного народа нет пустых адатов (Iадат) — людям беспо-

лезных и вредных. Не станет человек молодцем, когда перед людьми своего ребенка взять и приласкать себе не позволяет, скрывается, когда ребенок родился, когда женился... и тому подобные адаты соблюдает, но при этом он бесполезен людям! — сказав, и вернув коней, проводил их Бийбулат.

* * *

Тарковский Шамхал (Таркахойн Шовхал) позвал в гости Бийбулата и таких же как он молодцев по случаю женитьбы своего сына. После того, как поели-попили им поставленное угощение, повеселились гости, они приготовились было опочить, как Шамхал их спросил:

— У вас, чеченцев, какое самое хорошее оружие? — сказал.

Бийбулат, выслушав, ответил:

— Первое что попадется в руки, сказал.

Шамхал, больше ничего не говоря, вышел, во дворе привязанного льва отпустил и лег спать.

Позже... когда Бийболат вышел с чугунным кумганом в руках, «Шарх» рыкнув, с широко разинутой пастью, кинулся на него лев...

В тот же миг он в пасть ему чугунный кумган вогнал.

Утром встав и выйдя во двор, Шамхал нашел своего льва распухшим, с чугунным кумганом в пасти и сдохшего. Тогда, говорят, сказал Шамхал:

— Правду говорил Бийболт... действительно, их лучшее оружие — первое, что попадет в руку.

Записал М. Мусаев. Сказитель не указан // Орга, 1963, № 1, с. 53—54.

БИТВА ЛОРСА И ЭГИ

Эги-кхел, Хамхи и Тергим, в союзе с другими соседними родами Беркимхоевых, Евлоевых и родом Ферта-Шоулы, потомки трех братьев, или роды «Трех селений», с помощью кабардинцев и кумыков попытались распространить свою власть на ряд соседних обществ: фаьппий, аккхий, цхьорой (общество в Ингушетии, которое считало себя выходцами с Горной Аькхи), орстхой, мелхий и др.

Через землю Эги, основателя селения Эги-кхел (Ингушетия) ехал один аккинец по имени Лорс со своим отрядом. Сам Лорса был родом из аула Бамут. Эги потребовал с него дань за проезд, но аккинец дерзко отказался платить, заявив, что эти земли принадлежали чеченцам. Тогда Эги сел на своего богатырского коня и выехал против аккинца. Аккинец Лорс уступал в силе ингушу Эги, после стычки израненный на смерть Лорс получил смертельный удар в голову. Лорса подвел его кинжал, подаренный ему черкесом — сабля ингуша Эги разнесла черкесскую сталь и проломила голову чеченцу. Потом Эги столкнул его вместе с конем в реку Ассу. Семь ингушских воинов Эги с 30 кабардинцами вместе 10 кумыкскими конниками и 15 воинов аккинцев стали биться между собой. В бою было убито 25 кабардинцев и кумыков, и 4 ингуша из отряда Эги и 7 человек из отряда аккинца Лорса. Тогда обе стороны стали готовиться к мести за убитых родственников и сделались кровниками друг другу. Но, по обычаю, они согласились примириться, уплатив за каждого убитого его родственникам установленный выкуп. Эги, как представитель своего рода и союзник сильных в то время кабардинцев, должен был получить с аккинцев за кровь каждого своего сородича по 10 коров, а сам платил за аккинца по 12 коров. Стороны выплатили коров, и состоялось общее короткое примирение.

Исследователю это предание поведал его дед Султан Ялхароев.

БОГАТЫРЬ

В ауле Нижний Наур, на правом берегу Терека, жил один человек по имени Садык. Он был пожилой, среднего роста, с широкими плечами. Грудь — тоже широкая да высокая, а ладони рук, как две лопаты. Несмотря на то, что Садык был беден, богатые никогда не решались обидеть его или возразить ему.

У Садыка ничего не было — ни арбы, ни забора вокруг двора, ни быков, ни лошадей — ничего не было, кроме жены Зели. Он думал, думал и решил обзавестись кое-каким хозяйством.

И вот однажды холодным зимним утром Садык взял топор, нож, ремни из сыромятины и пошел в лес за двенадцать верст. Забрался в чащу, нарубил разных деревьев, очистил их от сучков, собрал часть, вернулся к опушке и начал делать сани. Когда наладил сани, вернулся в чащу и стал перетаскивать бревна к саням, которые к полудню были доверху нагружены лесом. После этого Садык передохнул, потом поднял дышла,

рванул грудью сани и поволок, не останавливаясь до самого дома.

— Ой! Ой! Смотрите! Смотрите! — закричали шедшие по улице люди. — Идемте смотреть и, если нужно, поможем ему!..

Молодые односельчане пошли за Садыком, остановились около его дома, подошли к саням, протянули руки к бревнам, чтобы помочь их выгрузить. Садык удивленно посмотрел на них и сказал:

— А ну, ребята, отойдите-ка.

Он вытянул руки, поддел ими бревно, поднял его и свалил наземь. Так, бревно за бревном, он выгрузил весь лес.

К весне Садык огородил свой дом, построил сарай, куда поставил сани, сделал еще кое-что и как-то в обеденное время пошел к Тереку. В это время на берегу Терека стояло человек тридцать. Они пытались перетащить водяную мельницу на новое место. Для этого они привязали к мельнице веревки (мельницы на Тереке строятся на двух больших лодках, между которыми — колесо. Лодки закреплены на месте) и начали тянуть против течения. Но как они ни старались, мельница не поддавалась. Но вот один из толпы крикнул:

— Не выпускайте веревки! Крепче держите!

— А что такое?

— Разве не видите — Садык идет! Держите, пока он не подойдет!

— В чем тут дело? — спросил Садык.

— Да вот, никак не перетянем мельницу на новое место...

— А ну, дайте мне среднюю веревку...

Садык взял самую толстую веревку, обвязался ею, и потянул мельницу против течения. Он сделал один шаг вперед, за ним — другой — и дотянул мельницу до нужного места.

Через три дня к Садыку торопливо вошли люди:

— Ради Аллаха — помоги нам! — сказали они. — Помоги, не знаем, что делать!

— Что такое? — спокойно спросил Садык.

— Мельничный вал испортился — железный зуб в шестерне сломался...

— Ну что ж, пойдемте, если в силах — помогу.

Пришли к мосту. Садык вошел внутрь мельницы и стал смотреть, как она вертится, и вдруг схватил рукой

шестеренку. Мельница перестала вертеться. Долго держал Садык, пока люди не починили сломанную часть.

Не успел Садык вернуться домой, как к нему пришли два односельчанина, братья, Музи и Цикати:

— Эй, Садык! Пожалуйста, помоги.

— Чем помочь вам? — спросил Садык.

— Ты знаешь Джаутхана, сына Ибри?

— Знаю. Горделивый такой.

— Так вот этот Джаутхан захватил наш огород, где мы издавна сеем кукурузу, и стал пахать под бахчу. Мы сказали ему, что огород наш, что он этим захватом лишает нас куска хлеба. Как ни просили, он все свое: я, мол, пашу, а потому — огород мой.

— Что ж, — сказал Садык, — идем туда, Джаутхан вернет огород.

Через час были на огороде. Подошли к захватчику.

— Эй, Джаутхан! — обратился Садык. — Почему обижаешь бедных братьев? Брось пахать чужой огород и верни его хозяину.

Гордый Джаутхан презрительно ответил:

— Брось о пустяках говорить! Раз я взялся вспахать, значит — будет моим.

— Постой, не храбрись, — сказал Садык, — лучше верни огород.

— Нет! Не верну!

— Оставь глупости. Не к лицу тебе заниматься такими делами. Верни чужой огород.

— Как бы не так!..

Садык слегка ткнул ему в грудь своим кулаком. Джаутхан, сын Ибри, не устоял и тут же свалился, как сноп.

— Ну, Цикати! Ну, Музи! Идите домой, — сказал Садык. — Идите. Этот горец встанет и тоже пойдет домой, а завтра вы спокойно займитесь своим делом.

Не успел Садык сделать и полпути к себе домой, как его остановил мчавшийся навстречу друг и сосед Жебб. Лицо и глаза его выражали такую озабоченность, что Садык невольно спросил:

— Что с тобой, Жебб? Что случилось?

— По правде сказать — ничего особенного, но без твоей помощи я не обойдусь.

— Хорошо, Жебб... так что же?

— Как ты знаешь, я строил себе дом... Потолок был

готов, поверх потолка я наложил жерди, на жерди — солому. Теперь я прошу тебя помочь набросать лопатой землю поверх соломы.

— Можно, идем...

Когда пришли к дому, Жебб сказал:

— Слушай, Садык: пока я сделаю намаз, ты набросай землю поверх соломы, да быстрее и побольше, чтоб к моему выходу дом был готов.

— Побыстрее и побольше, говоришь?

— Да, пожалуйста, вот отсюда копай, — указал Жебб, а сам пошел на моление.

Садык взял самую большую лопату и так быстро начал копать да через плечо бросать на крышу, что Жебб не успел закончить моление, как потолок стал проваливаться. Тут и стена начала клониться набок. Но Садык вовремя подставил плечо и держал ее до тех пор, пока не подошли люди и не завершили остальное.

— Ну, Жебб, — сказал Садык, — теперь я уйду, мне нужно сделать себе арбу и колеса.

Садык пришел к себе во двор, подошел к заранее приготовленным жердям, взял из них две самые длинные и положил на костер, чтобы отпарить и смягчить. После этого он начал их сгибать для колеса. Но одна согнутая жердь неожиданно распрямилась и сильно ударила Садыка в бок, сломав два ребра. Садык выпрямился, пощупал бок рукой и пошел в свою саклю.

— Ой-ой! Что с тобой? — удивилась жена его, Зели. — Ты никогда не приходил таким хмурым.

— Ну-ка, — сказал Садык, — свари мне целый казан каши да живее!

Зели быстро сварила пшенную кашу, поставила перед ним целый казан и принесла кислого молока. Садык взял деревянную ложку и стал есть. Когда съел все, выпрямился, набрал в себя воздух и так надулся, что сломанные ребра встали на свое место. Садык пощупал бок и, убедившись, что ребра целы, к вечеру снова вышел во двор, доделал свою работу и подвел двух купленных в долг быков под ярмо арбы. Когда запряг, запасся кукурузной бутылкой и темной ночью выехал в поле.

В глубоком небе висели звезды. Садык смотрел на них, на белесую полосу, пересекающую все небо, на большую неподвижную звезду — и не заметил, как с рассветом подъехал к месту прополки.

Весь день полол Садык, всю кукурузу очистил от

сорняков. Отдохнул, запряг быков и обратно выехал. Ехал долго — быки не спешили и медленно тащили арбу.

Совсем стемнело. Садык сидел и опять смотрел на небо, любуясь звездными россыпями. Вдруг там, где дорога расходилась на три стороны, у арбы сломалась ось. Садык остановил быков, снял огромные колеса и начал осматривать.

В это время к Садыку подошло несколько человек.

— Эй! — сказал один из них. — Куда ведут эти дороги?

Садык посмотрел на них и не спешил с ответом. Те опять:

— Нет ли огня, чтоб прикурить?

Но Садык не курил.

Люди показались ему подозрительными. «Наверно, недобрые люди», — подумал он и сказал: — Так вы спрашиваете — куда ведут эти дороги?

— Да! Глухой ты что ли?..

Садык взял одной рукой за шейку толстой оси, поднял ее вместе с большим колесом и, размахивая, ответил:

— Если пойдете этой дорогой, то дойдете до Нижнего Наура! — он взмахнул осью с колесом, как веточкой. — Вторая дорога доведет вас до Зебир-Юрта! — и опять махнул осью.

Подозрительные люди перепугались. Никогда не видели они такого сильного человека. Они попятились и пустились бежать, а Садык махнул рукой в третий раз и крикнул вслед:

— А та дорога, по которой вы бежите, доведет вас до быстрой реки, где прячутся воры, трусы, бездельники, дармоеды и всякий сброд!

Починил Садык арбу и погнал быков дальше. Недалеко от своего дома увидел он, как девять человек возятся с большим дубовым бревном, но никак не могут сдвинуть его. Пыхтели, тужились, упирались ногами о землю, а бревно — ни с места.

— А ну-ка, отойдите! — сказал Садык, нагнулся, расправил широкие плечи, обхватил бревно могучими руками, поднял, донес до своего двора и положил около своей сакли.

Люди так удивились, что даже не стали возражать.

Внуки Садыка Мумад и Сайд-Эли живы. Они унаследовали силу деда и этим славятся в народе.

Записано в 1926 г. в с. Нижний Наур. Сказитель не указан // ЧР: 188—192.

ВАККУЛПУЛА ИЗ ГОРНО-АККИНСКОГО ОБЩЕСТВА
(ЛАМ-АЬККХАРА ВАККХУЛПУЛА)

Один князь по имени Ваккулпула жил в Аккинских горах. Жил он в башне (гІала), построенной на скале, куда человек с большим трудом мог взобраться. Его жена была дочерью самого богатого человека в аккинском ауле Вовге (ВІовге). Ваккулпуле надоело жить в башне, прилепившейся к скале. «Попроси у своего отца нам землю, на которой можно поставить хоть одну башню», — сказал он, и послал жену к своему тестю. Придя в дом отца, и стыдясь причины своего приезда, больше года жила жена Ваккулпулы, не возвращаясь домой. В конце концов, пришедший к ее отцу гость, раскрыл причину ее невозвращения домой. Отец выполнил просьбу, с которой пришла дочь. «С горы с красивым оползнем, тобой пущенная стрела упала где, башню построить позволяю тебе», — передал своему зятю весть (хабар) отец дочери. Ваккулпула далеко метал стрелы. С места обозначенного тестем пущенная им стрела упала на площади, посреди Вовге. После этого в Вовге башню поставив, жить осел Ваккулпула, разбогатев, как тесть. Спустя немного времени, вокруг площади, где собирался сельский сход, с круглыми воротами, с кладкой на извести, каменную ограду поставил он.

Записал Сиражди Умаров в Серноводске со слов Чергизова Исмаила в 1969 г. // Орга, 1970, № 1, с. 60—61.

ВАРА[45]

После взятия в плен Даргинского Шамиля, после убийства Беноевского Байсангура, после замирения Зумсоевского Умы, после ссылки Харачоевского Атабая не покорялся русским один лишь храбрый Вара! Хотя голод заставлял его есть чинаровые листья, а жажда — пить сок травы; хотя он, скрываясь в лесу, промокал до костей, но из гордости не мирился с русскими! Он ложился спать, когда птицы, просыпаясь, начинали петь, когда олени выходили на корм. Вот однажды голодный, но с гордым крепким сердцем, Вара сидя думает думу, а голод просит хлеба, мучит его! Думал он, думал: мысль его остановилась на Бено-Атагинском ауле, где жил Баша, его верный друг. Явился Вара на двор Баши, вошел он в дом его:

— Ассалому алайкум — мир тебе, Ваган Баша!» —

— Ва алайкум салом — мир также тебе, добрый Вара!

Зачем ты пришел в дом мой, животом голодный, сердцем сердитый?

— Пришел я, Баша, к тебе в гости.

— Будь же моим гостем, добрый Вара! Вот тебе средняя комната, здесь ты спокойно, безопасно отдохнешь, а я пойду в аул по своим делам, — и, сказав это, проклятый Баша вышел из комнаты и поскакал он к Мударан Гуданату в Атагинский аул.

— Ассалому алайкум, Мударан Гудонат!

— Ва алайкум салом, Ваган Баша! Зачем ты приехал в дом ко мне?

— Я приехал, чтобы сказать тебе, что счастливый наездник, смелый как барс, храбрый Вара, спокойно отдыхает в моем доме, в средней комнате.

— Если слова твои, Баша, справедливы, я клянусь Великим Богом, что ты получишь офицерский чин!

Поскакал проклятый Гудонат в крепость Чахкери, собрал он по барабану всех офицеров, собрал он по колоколу всех драгун, поскакал Керет Гудонат впереди всех к Бено-Атагинскому аулу, а драгуны скачут сзади его. Прискакал он туда, окружил он тройным рядом солдат саклю Вары, просить его живым в руки ему отдаться.

— Нет, не отдамся я тебе живым в руки! Хочу умереть в бою с русскими за Бога, за пророка Его.

Загрохотали ружья! С неба ангелы на землю спустились! С земли ангелы приняли чистую душу Вары! Да ввергнет Бог в Эльмен (ад) проклятого Керет-Гудоната, сына Мударова!

ССТО, вып. I, с. 259.

ВРАЖДА ДВОЮРОДНЫХ БРАТЬЕВ
(ШИНА ШИЧАН МОСТАГІАЛЛА)

В стоящем на берегу реки Фарта[46] (Фарта-хи) ауле Даттых[47] (Даьттах) жили очень богатые двоюродные братья, сыновья двух братьев: Дзага Гардалов и Чапа Боргаев (Гардалан Дзага, БоргІан Чапа). По какому-то поводу поспорив, поссорились, и пошла меж ними вражда. Не имея возможности выйти из своих башен (гІаланаш), они искали случай нанести оттуда удар друг другу. Но никто из них не попадал другому на глаза. Однажды Дзагина жена шла поводу. Увидев ее, у своей жены спросил Чапа: «Мне выстрелить в сноху, или ограничиться выстрелом в кувшин (кІудал)?» «Убьем сноху — о нас судачить будут люди; ограничься выстрелом в кувшин», — сказала жена. Выстрелил, и

пулей пробил кувшин снохи Чапа. В слезах вернулась домой жена Дзаги.

После этого, Дзага увидел жену Чапы, присевшую подоить корову: «Выстрелить мне в кувшин (кхаба), в корову или в сноху?» — спросил Дзага свою жену. «Хотел бы Чапа — в меня мог бы выстрелить, поэтому оставь ее, ограничившись выстрелом в кувшин», — сказала Дзагина жена. Послушав жену, унялся второй брат. После этого состязания в благородстве оставили вражду Чапа и Дзага.

Записал в 1968 г. Сиражди Умаров в Даттыхе со слов Шинханова Абдуллы // Орга, 1970, № 1, с. 60.

ГАМХИНСКИЕ И ГАЛАШТИНСКИЕ БАШНИ

Направляясь в Хачарой (Хьачара) сначала до села Галаште (ГIалаштIе) добрался Шамиль. Галаштинской боевой башни хозяин оказал сопротивление имаму. В каждый угол боевой и жилых башен по гирде (12 кг) пороха заложив, это село взорвав, сровнял с землей Шамиль. От него к западу расположенного Гамха хозяин боевой башни пошел навстречу имаму с просьбой, не разрушать его башню, заявив о своей приверженности.

С макушки камень-венец (цIуркула), зацепив веревкой, сбросили вниз, Гамха боевую башню не разрушая, оставил Шамиль. Эта башня и сейчас стоит, как и стояла.

Записал Сережди Умаров в с. Гамха со слов Керимова Ахмада // «Орга», 19969, № 1, с. 48

ГЕРОЙ[48]
(ТУРПАЛХО)

Один чеченский добрый молодец и грузинский князь вели между собою вражду из-за участка земли. Из-за этого участка земли, в борьбе друг против друга, погибли все родственники грузинского князя и доброго молодца чеченца.

После этого они вдвоем вышли на поединок. И как-то, сговорившись между собою, сказали:

— Зачем нам с тобою умирать из-за этого участка земли? Не лучше ли будет нам помириться и стать друзьями?

На этом оба они согласились и стали большими друзьями.

У них обоих дома были жены. Обе эти жены были беременны. Они решили: если родятся сыновья, то быть им между собой друзьями; если же родятся сын и дочь, то женить их и быть близкими людьми.

Когда они с таким уговором возвращались домой, навстречу им пришло приятное известие: у доброго молодца чеченца родился сын, а у грузинского князя — дочь.

Тогда добрый молодец чеченец в виде калыма уступил спорный участок земли грузинскому князю и посватал дочь князя за своего сына.

Случилось, что добрый молодец чеченец умер, когда сын его еще был в колыбели. Через некоторое время сын чеченского молодца и дочь грузинского князя выросли, но они ничего не знали о помолвке.

Мать сказала своему сыну:

— Когда ты был ребенком, отец твой засватал за тебя дочь грузинского князя, уступив ему спорный участок земли. У нас тейп (тайпа) маленький, беден, а потому я боюсь, что дочь грузинского князя не выйдет за тебя замуж. Показывайся ей почаще, и дай ей знать, что ты относишься к ней с любовью.

Выслушав, сын сказал матери:

— Мне как-то неудобно ухаживать за ней; лучше было бы послать почетных людей к князю, чтобы посватать его дочь.

Мать собрала почетных людей аула и отправила их сватать дочь грузинского князя за своего сына. Почетные люди пошли и посватали дочь князя.

— Ничего против этого не имею, ибо он — сын доброго молодца, — сказал князь и выдал свою дочь. С нею, дочерью князя, почетные старики вернулись обратно.

Три дня, три ночи играли свадьбу. После свадьбы поздно ночью молодая жена вошла в комнату своего молодца. Долго говорили они по душам, а когда захотелось спать, молодой муж сказал своей жене:

— Иди сюда, сними мою обувь. Дочь князя ответила:

— Твою-то обувь я сниму, а кто снимет мою обувь? Обидевшись на нее, муж сам снял свою обувь и лег спать и думал: «Трогать ее ночью или нет?» — Нет, — решил он и уснул.

На второй день утром он глянул на нее и дал себе слово: «Пока жена — дочь князя — не убедится в моем геройстве, пока я не докажу ей этого, я ни разу не трону ее рукой».

Прощаясь с нею, он сказал: «Не скучай», — и уехал.

В далекой чужой стране этот молодец отправился в набег к владениям одного князя. Напав на табун

лошадей, он ровно половину оставил князю, а половину погнал к себе домой.

Прибыв домой, он роздал всех лошадей бедным и сиротам, а сам поехал туда же. На баранту он и на рогатый скот напал; того и другого половину стада пригнал себе домой и, как первый раз, тоже все это раздал бедным и сиротам, а сам опять уехал туда же.

Итак, из скота и имущества он ровно половину оставлял князю, а половину брал себе домой и раздавал бедным и сиротам.

Наконец, дошло до того, что только одна постель князя, на которую он ложился, не была поделена.

Поразившись такому явлению и никак не поняв сути дела, князь отправился к одной вдове-бабе и говорит:

— Все, что я имел, — и скот и имущество, — все делится пополам: половину уносят, а половину оставляют; я лишаюсь всего своего богатства, только одна постель не поделена; не знаю, кто совершает кражу: человек или какой-либо злой дух? Кто совершает эту кражу: друг или враг?

Вдова-баба на это ответила:

— Кражу эту совершает вор, и он обязательно придет еще раз, чтобы поделить твою постель. Последи за ним ночью, а может быть, поймаешь его.

После этого князь по ночам зорко стал смотреть за вором.

Наконец, в одну ночь, когда князь спал, тот молодец взял одеяло, которым был укрыт князь, разрезал его на две равные части и собирался из-под князя вытащить постель. Князь в это время проснулся, бросился на этого молодца, стал звать на помощь наружную охрану и поймал его. Пойманного сейчас же связали, а утром князь приказал вырыть во дворе глубокую яму, в которую посадили его.

Три дня и три ночи никто не показывался к нему, и кушать ему не давали.

На четвертый день, считая неудобным такое отношение к заключенному, князь послал к нему своего слугу с едой. Слуга подошел и сказал:

— Меня прислал к тебе наш князь с едой, прими ее.

Сын молодца ответил:

— Ты — раб и твой князь — раб, вашей еды я и кушать не стану, убирайся со своей едой!..

Тогда князь послал к нему свою рабыню с едой.

— Ты — рабыня, твой князь — раб... Вашу еду я и кушать не стану! — ответил он ей.

На третий раз сам князь пошел с едой к заключенному, ибо он подумал: «Вероятно, человек он с мужеством, после такой голодовки не принимает еды от раба моего, рабыни моей, может быть, он брезгует ими»...

Князь принес и сказал:

— Я сам принес тебе еду: может быть, ты брезгуешь принять эту еду от раба и рабыни?..

Сын молодца ответил:

— Нет, я ими не брезгую; если до того дойдет, так я скорее побрезгую принять от тебя еду, и так — ни от них не приму, ни от тебя не приму. Если ты был бы князем, ты меня не держал бы в этой яме без еды трое суток...

Когда человек в яме наотрез отказался принять еду, князь вернулся в свой дом и направил к нему с едой свою дочку, которая никогда не выходила из комнаты.

Дочь князя подошла к яме и говорит:

— Надеюсь, что ты от меня примешь еду, меня прислал к тебе князь — отец мой; прошу принять, и если ты зол на нас, то и простить нам.

Из ямы послышался ответ:

— Ты — рабыня, а твой отец — раб! Не приму от тебя еды — убирайся от меня со своей едой!..

Дочь князя не отставала и просила принять еду и при этом сказала:

— Ни разу я не выходила из комнаты до сегодняшнего дня... Прошу не ставить меня в неловкое положение перед, людьми...

Когда так сильно стала просить дочь князя, то тот ответил:

— Если ты вытащишь меня из этой ямы, приму еду.

Дочь князя ответила:

— Хорошо, я потом вытащу тебя, а ты прими пока что еду.

Человек в яме принял еду, и дочь вернулась обратно в дом. На второй день утром дочь князя пришла к тому человеку и, заглянув в яму, произнесла:

— Доброе утро! В нашем большом городе никого не осталось, кроме меня с тобой; даже ни одной собаки и ни одной кошки. Всех их забрал с собой мой отец и уехал за восемь гор — смотреть на соревнование молодцов в геройстве — и победителю выдадут дочь царя.

— Тогда, клянусь тебе богом, я должен выйти из ямы; пока отец твой и другие приедут домой, я прибуду и полезу опять в эту яму.

— Хорошо, — сказала дочь князя и вытащила его из ямы. Потом повела его к себе в комнату, накормила и говорит: — Отец мой уехал, оставив дома своего лучшего коня, лучшее оружие и лучшую одежду.

Пока освобожденный из ямы одевался и вооружался, дочь князя оседлала коня, взяла за стремя, усадила его на коня и, отправив его в путь, вернулась к себе в дом.

Вдруг на дорогу выбежал заяц. Ударив коня плетью, он бросился за ним. Не успел заяц пробежать расстояние, равное ширине загона, всадник нагнал его и изрубил шашкой. Удивившись быстроте коня, он следом вернулся обратно и посмотрел на траву, а с травы даже не пала роса от копыт коня. «Удивительный конь», — подумал он, и продолжал свой путь.

На высокой чинаре сидела птица; из-за густых ветвей едва была видна. Желая проверить свою способность в стрельбе, он взял ружье в руки, прицелился и нажал курок. Птица упала с дерева, но уже без головы. И так он проехал восемь гор, за которыми собрались люди на соревнование в геройстве[49].

— Салам! — сказал он и подошел к собравшейся группе князей. Князья отнеслись к нему с уважением, предполагая по его одежде, оружию и копью, что он — тоже князь, и посадили его рядом с собой.

Частенько смотрел на него князь, который посадил его в яму, и удивлялся сходству: конь, одежда и оружие похожи на его собственные. Князь молчал и ничего не говорил: если он подошел бы и сказал, что вещи эти принадлежат ему, а на самом деле оказалось бы не так, то был бы большой позор ему среди многочисленных князей.

Когда все собрались, один молодой человек с чашей в руке стал обходить гостей и говорить:

— Победителю пяти соревнований в геройстве дадут царскую дочь, но если он не победит, он лишится своей головы. Одно соревнование из пяти — это выиграть скачки... У кого лучший конь, тот должен выпить эту чашу.

Когда два раза он обошел ряды и в третий раз проходил, и никто не решался выпить, то прибывший молодец взял эту чашу и сказал: «Если конь имеет силы, то он должен быть и быстрым», — и выпил чашу.

Как и в первый раз, молодой человек обносил чашу во второй раз со словами:

— Кто метко будет стрелять, тот получит царскую дочь, а если не будет метко стрелять, с него голову снимут.

Когда два раза уже обошел с чашей, как и в первый раз, и обходил в третий раз, прибывший молодец взял чашу и сказал: «Кто умеет хорошо прицеливаться, тот метко попадет», — и опять выпил чашу.

Опять обносили чашу среди собравшихся князей со словами:

— Это соревнование состоит в том, чтобы на скаку из ямы схватить и вытащить барана; кто вытащит, тому выдадут царскую дочь, а если не сумеет этого сделать, лишится своей головы.

Убедившись, что никто не решается выпить чашу, прибывший молодец взял ее, выпил третью чашу и сказал: «Тот молодец вытащит из ямы на скаку барана, у кого сильные руки».

Четвертую чашу стали обносить со словами:

— Кто в схватке одолеет, победит шестьдесят человек, тот получит царскую дочь, а если не одолеет, то лишится своей головы.

Два раза пропустил обход, и когда с такими словами третий раз обходили с чашей, прибывший молодец, убедившись, что никто не решается ее выпить, взял чашу, выпил и сказал: «И шестьдесят человек может победить тот, кто силен».

Пятую чашу стали обносить со словами:

— У кого жена не будет гулять с другими, тому молодцу выдадут царскую дочь; если же окажется, что жена гуляет с другими, то головы своей лишится он.

Два раза пропустил обход, при третьем обносе чаши, убедившись, что никто не решается выпить ее, тот же молодец взял чашу, выпил и сказал: «Песнь молодца не должна гулять с другими».

Все были удивлены, когда все пять чаш геройства были им выпиты.

Один молодой человек встал из среды и объявил:

— Все, кто имеет хороших коней, собирайтесь! Вас посылают за восемь гор на скачки; чей конь придет первым, тому выдадут царскую дочь.

Быстро собрались молодцы на хороших конях, отправились за восемь гор.

Из окна царского дома смотрела на молодцов царская дочь. Когда доехали до места скачек все молодцы и с ними прибывший сын молодца, выпивший пять чаш, то почетные старики выстроили их в ряд. Молодец, выпивший пять чаш, вышел из рядов и сказал:

— Вы начинайте скачки, а я немного дам отдохнуть своему коню и сам посплю, а там догоню вас. — Он снял седло с коня, положил его себе под голову, лег спать, а коня пустил на траву.

Отдохнув вдоволь, сын молодца неторопливо оседлал коня, сел на него, стегнул его и сказал:

— Теперь ты, конь, можешь спорить в быстроте с соколом и по прыжкам — со львом.

Проехав уже четыре горы, он нагнал других, проскочил мимо них и далеко впереди всех прибыл на место. Утвердили победу за этим молодцом и объявили:

— Приготовься ко второму соревнованию — по стрельбе.

На далекое расстояние положили яйцо. Оно чуть-чуть было видно. Зорким глазом прицелившись, нажал курок этот молодец и вдребезги разбил яйцо, как будто бы его там и не было.

За ним утвердили вторую победу и предложили подготовиться к третьему соревнованию.

Зарыли в землю барана так, что только были видны рога и голова, и там попросили этого молодца на скаку схватить и вытащить барана.

Быстро оседлал он коня, сел на него, подъехал близко к той яме, где был зарыт баран, и стал гарцевать на коне. Потом на скаку нагнулся, схватил барана и вырвал рог у самого основания. Обернув коня вторично, он схватил барана и вырвал второй рог.

Смотревшая на эту картину с царского дома дочь царя сказала ему:

— Да минует тебя несчастье, молодец! Схвати его подобно волку и вытащи!

Молодец сверкнул глазами, нагнулся на коне и на скаку схватил барана за шею, вытащил и ударил его об угол окна, где сидела царская дочь, так что клочья полетели от него.

— В трех случаях победил этот молодец, — объявили тут и попросили его приготовиться к четвертому соревнованию.

Приготовили шестьдесят человек, чтобы выступить на шашечный бой против этого молодца[50].

— Если их победишь, то четыре победы остаются за тобой, — сказали молодцу.

Быстро приготовился молодец на шашечный бой против шестидесяти человек; взял шашку и пошел на них.

Заблестели шашки вкривь и вкось. Получив только несколько ран, молодец перебил всех шестьдесят человек и благодаря своей неимоверной силе вышел из боя победителем.

И тут установили, что все четыре победы принадлежат этому молодцу. Теперь готовились к пятому соревнованию: будет ли гулять с другими жена этого молодца или нет, и решили арестовать и посадить этого молодца в яму: не дать ему возможности связаться со своей женой.

После этого отправили к его жене двух армян, самых наикрасивейших армян, с золотом на двух ослах, узнать: будет ли эта жена гулять с другими.

Расспрашивая людей, эти два армянина вечером дошли до двора того молодца, навстречу им вышла та жена.

Армяне расспросили ее: дома ли ее такой-то муж? Жена молодца поздоровалась с ними и ответила:

— Мужа моего нет дома, но это ничего не значит; зайдите, да и вечереет уже...

Армяне согласились и вошли в дом, захватив с собой золото с обоих ослов.

После того, когда гости поужинали, жена молодца вошла в комнату, где находились гости, постелила им и хотела выйти, один из армян сказал ей:

— Если ты сегодня немного с нами погуляешь, то все это золото дадим тебе, — и выставил драгоценности.

— Хорошо, — сказала жена молодца. — Вы, как-никак, сегодня — мои гости, я и не могу вам в чем-либо отказать... И денег мне не надо. Я сейчас пойду в другую комнату, уложу мать своего мужа и зайду к вам.

Пошла она в другую комнату и сказала своей прислуге: «Одень мое платье, пойди к гостям и делай то, что они скажут», — а сама легла спать с матерью своего мужа.

Лежа в постели, жена молодца подумала: «А может быть, они пришли узнать, буду ли я гулять с другими или нет, и возможно, что поспорили с моим мужем».

Мысль эта ее стала беспокоить, и она пошла в комнату, где находились гости, но ни гостей, ни золота не было: они отрезали среднюю косу прислуги и уехали.

Жена молодца волновалась до утра, не зная, чем объяснить приезд этих армян.

Рано утром она оседлала коня, взяла оружие мужа, одела мужской костюм и поехала за армянами допытываться, что их заставило приехать сюда.

Долго ехала и разыскивала своих двух гостей и неожиданно натолкнулась на то место, где соревнуются люди в геройстве в надежде выиграть царскую дочь. Она подъехала к группе) князей и поздоровалась; князья приняли ее за мужчину и сказали:

— Что же ты, молодой князь, так опоздал? Жена молодца спросила князей:

— Расскажите, кто оказался победителем?

Тогда ей рассказали:

— Один молодец в четырех соревнованиях победил всех, а пятое, заключающееся в том, что жена его не будет гулять с другими, проиграл и потому задержан и находится в яме: завтра будет убит.

Жена молодца ответила собравшимся князьям:

— Молодой человек, которого вы посадили и собираетесь завтра убить, — из нашего края; если вы разрешите, то сегодняшнюю ночь я провел бы с ним; может быть, у него есть поручение какое-нибудь, которое необходимо передать домашним.

Принимая ее за мужчину, князья поверили ее словам и разрешили оставаться с арестованным. Она вышла к мужу и поздоровалась. Муж не узнал своей жены, принял ее за мужчину, ответил на ее привет и попросил сесть.

Приступили к беседе; жена спросила молодца:

— За что ты арестован?

— Мы соревновались в пяти геройствах, и победителю обещали дать царскую дочь. В четырех соревнованиях я победил, а пятое проиграл; поэтому меня и приговорили к смерти.

— Расскажи, какие пять соревнований это были?

— Первое — это выиграть скачки, второе — это стрелять метко, третье — это из ямы вытащить барана, четвертое — это победить шестьдесят человек, и пятое — что жена не должна гулять с другими. Из этих пяти соревнований я выиграл первые четыре, а последнее проиграл;

проиграл потому, что жена гуляла с другими, за что я и приговорен к смерти.

— А скажи, на что ты надеялся, когда ты пил пять чаш?

— Я пил в надежде, что конь будет первым на скачках, надеялся потому, что, когда я ехал, вдруг выбежал заяц и не успел он пробежать расстояние, равное ширине загона, я нагнал и зарубил его шашкой. Удивившись быстроте коня, я обернулся, поехал следом, и увидел, что от копыт коня и роса не выпала с травы. Вторую чашу выпил потому, что когда я ехал, то увидел птицу на дереве, которую едва-едва можно было видеть. Я прицелился и нажал курок — птица упала. Третью чашу выпил потому, что я силен и надеялся вытащить барана из ямы. Четвертую выпил, зная себя в шашечной битве. Пятую же чашу выпил, надеясь на то, что жена моя не будет гулять с другими, но, оказывается, жена гуляла с другими: два армянина, поехавшие с этой целью к жене моей, привезли с ее головы косу. Из-за этой уверенности я проиграл и приговорен к смерти.

— Зачем ты поверил жене? Неужели ты не знал, что женщины изменчивы?

— Я ей поверил потому, что в первую ночь, когда женился на ней, я ей сказал: «Сними мою обувь». Она мне ответила: «Я-то сниму твою, а кто снимет мою обувь?» Так вот, если она мужу так противодействовала, то я никак не ожидал, что она будет гулять с другими.

Выслушав, жена сказала ему;

— Если ты продашь свое мужество, то я тебя выручу от смерти.

Молодец, думая, что с ним говорит мужчина, отвечает:

— Если бы я не был завязан, ты таких вещей не говорил бы, да и я не позволил бы. Я свое мужество не продам, — будь у меня десять душ — все отдам, но не мужество.

Настало время казни этого молодца. Собралось много народу. Переодетую в мужской костюм жену молодца никто не узнавал, и она стояла среди мужчин. В это время привели молодца и надели на голову мешок.

Тогда жена молодца стала на середину и крикнула собравшимся:

— Скажите, за что убиваете этого молодца?

Собравшиеся люди ответили:

— Этот молодец выпил чашу, что жена его не будет гулять с другими, но он проиграл, ибо жена гуляла с другими; теперь он будет убит.

Жена молодца опять спросила:

— Где доказательства того, что жена его гуляла с другими?

Собравшиеся люди ответили:

— Чтобы испытать его жену — будет ли она гулять с другими или нет, мы послали к ней двух армян с ослами, нагруженными золотом. Они погуляли с его женой и в доказательство привезли ее косу.

— Ну, хорошо, — сказала тогда жена молодца, — покажите мне эту косу.

Принесли и показали золотого цвета косу. Посмотрев на косу, она промолвила:

— Жены удалых молодцов имеют волосы не золотого цвета, а вот такие, черные. — Она сняла папаху и опустила черные волосы.

Тогда все убедились, что молодец, приговоренный к повешению, выиграл все пять соревнований; сняли с его головы мешок, утвердили за ним пять побед, вернули ему коня, оружие и присудили ему царскую дочь. Тогда, отказавшись от царской дочери, молодец сказал, что ему некогда, сел на коня, и крикнул: «Я отказываюсь от царской дочери!»

— Нет, я не оставлю царской дочери, — молвила жена того молодца, — так как мой муж ее выиграл.

Она взяла с собою царскую дочь и поехала домой.

А молодец этот, как он обещал дочери того князя, который посадил его в яму, — прибыл раньше людей, собак и кошек и спустился в яму.

Подошла к нему дочь князя и спросила:

— Расскажи мне о молодцах, которые собирались за восемью горами соревноваться в геройстве. Кто победил, и кому досталась царская дочь?..

Молодец ответил:

— Кто это был — не знаю; был какой-то молодец, и я слышал, что он выиграл все пять соревнований...

А когда прибыл отец этой дочери, она спросила у отца:

— Кто победил на соревнованиях? Кто выиграл царскую дочь?

Отец ответил:

— Право, не знаю, кто это был, но конь его был похож

на моего коня, которого я оставил дома; оружие было похоже на мое оружие, оставленное мною дома; одежда тоже была похожа на мою одежду, которую я оставил дома. Он победил во всех пяти соревнованиях. Присудили ему и царскую дочь, но оставил он ее и скрылся неизвестно куда...

— Значит, это тот самый молодец, который сидит у нас в яме, — сказала дочь князю. — Он меня просил вытащить его из ямы и разрешить ему поехать и посмотреть на соревнования молодцов в геройстве. Он сел на твоего коня, одел твою одежду и поехал. Приехал раньше вас всех и снова спустился в яму. Если мне не веришь, то посмотри на своего коня, оружие и костюм...

Князь посмотрел и увидел, что конь весь в пене, оружие и одежда в крови.

Тогда князь пригласил всех почетных людей аула, вывел молодца из ямы, выдал за него свою дочь, запряг трех вороных, посадил их в свой экипаж и отправил домой к молодцу.

Молодец со своей невестой прибыл домой. Три дня и три ночи они играли свадьбу, и молодец стал жить со своими тремя женами.

Записано в 1926 г. в с. Шотой. Сказитель не указан // ЧИФ, с. 236—245.

ГЕХА-АБРЕК
(ОБАРГ ГЕХА)

Отважен был Абрек Геха. Много смелых подвигов совершил храбрый сердцем Геха. И долю абрека — долю лютого зверя и героя — Геха нес без ропота, нес с радостью, так как она была полна опасности, требовала жертв, сил и борьбы...

Но и закаленное сердце Гехи жаждало человеческой ласки. И в поры тоски искал Геха товарища-друга, кто бы облегчил ему минуты страданий и черных дум: их так много у абрека! Звал, искал — и не находил.

И пришел в отчаянье, не боявшийся смерти, не знавший страха Геха. Проклял он своих бывших соратников, проклял тех, кто травил его как зверя, не видя его тоски по человеку...

И к зверям обратилось сердце Геха. И на тоскующий, полный отчаянья зов Гехи явился свирепый отважный Волк.

Волк понял человека.

Лев и орел — сильней всех хищных зверей и птиц и потому храбры и отважны; волк же слабее многих зверей и все же бросается в бой без колебания. И волк всегда остается победителем: или сразит врага — или погибнет в неравной борьбе.

С товарищем Волком отвел душу Геха... Так как и тот и другой имели одинаково отважное сердце...

Однажды, голодный и усталый, заехал Геха в людские жилища. Бакалей принял неведомого гостя — и гость не назвал себя, не верил Геха людям, готовым всегда продать, предать. Но люди хитры... Подлый душой, трусливо озираясь, помчался с доносом безродный Иса...

Геха! Геха! Берегись Геха! Подлый Иса собирает над тобой кроваво-грозные тучи. И брызнут на тебя эти тучи дождем огня и свинца.

Но ничего не чувствует Геха. Усталый спит на священном ложе гостя.

И тучи густые, зловещие окутали саклю Бакалея. Недобрый гул проник в саклю — и взметнулся Геха, как затравленный волк. Радостно-тревожно забилось его бурно-пламенное сердце...

Испуганный Бакалей заметался по сакле в тоске и тревоге за судьбу гостя — святыню его крова, и в плаче стонала его молодая жена.

И слышит Геха торжествующий голос врагов:

— Сдавайся без крови, Геха!

И отвечает им Геха?

— Не радуйтесь! Не сокола вороны окружили, а сокол бьется в кругу клюющих падаль воронов. И пусть лучше мать моя прольет горючие с кровью смешанные слезы, чем сокол склонит свою голову перед вороньей стаей.

И от этих слов страх проникает в гнилые от падали сердца...

В предчувствии крови, с мольбой приходят к Гехе седые, согбенные старцы, и просят его пощадить народ — отдаться в руки черных воронов.

И слова их — горючие и острые — стрелой пронизывают железное сердце Гехи.

И под конец не выдерживает сердце отважного Волка и смелого Сокола.

— Убейте меня, вы, святые отцы, убей меня ты, Бакалей, я прощаю вам свою кровь. Но отдаться, сдаться не в силах я: «мною клятва дана, и сердце не велит».

И не поднялись на Геху руки старцев святых — и, понурив седые головы, молча удаляются они.

Бросается жена Бакалея к абреку Гехе.

— Геха, ты явился в наш дом гостем, ты ел наш хлеб, ты спал под нашим кровом. Геха, ты силен и храбр душой... И я, накормившая тебя, голодного и усталого, охранявшая твой покой, умоляю тебя — не позорь себя, свое славное имя: умри красиво! Геха, Геха, если в тебе не хватает мужества, если ты дрогнешь перед лицом смерти — я прокляну тебя. И если ты, смелый, обманул мою душу, то, как трусливая женщина, ты накройся моей шалью и исчезни бесследно.

Бросает жена Бакалея к ногам свою шаль и исчезает из сакли...

И излил Геха в последней страстной молитве Аллаху, весь пыл души и приготовился к последней абреческой игре — к невеселой игре со смертью.

И игра началась, веселая, радостная, последняя игра абрека...

Ободренный женщиной, которая удесятерила его силы, Геха с безграничного отвагой поражает врагов... Напрасно разъряются черные вороны... Геха купается в густом темном море огня и свинца. Смерть кажется Гехе огненным свинцовым крылом вражеских пуль. Геха радуется ее прикосновению и, потешив вдоволь сердце борьбой и кровью трусливых врагов, сам кидается в объятия смерти...

И абрек Геха погиб красивой смертью, погиб победителем. Ведь победитель не тот, кто сражает врага, а тот, кто в жертву борьбе, на вечную смерть без раздумья бросает душу и тело свое...

Записал Шерипов Асламбек // Журнал «Кавказский горец», №1, Прага, 1924.

ДОБЛЕСТЬ СЕСКА СОЛСЫ
(СЕСКА СОЛСИН ХЬУЬНАР)

Говорят, издалека катилась в сторону Чечни[51] огромная, как гора, глыба, решила она погубить всех ее жителей. Сеска Солса, говорят, спросил ее:

— Что ты делаешь? Куда ты катишься?

— Я уничтожу всех людей, — ответила глыба.

— Стой! Не двигайся дальше! — сказал Сеска Солса.

— В любом случае доберусь, — ответила гора-глыба. Катилась она на беду всем чеченцам. Разгневанный

Сеска Солса ударом меча расколол глыбу на две части, говорят, до сих пор она стоит на самом верху горы. Если бы он не остановил эту глыбу, она принесла бы людям много горя.

В полдень гора-глыба, говорят, напоминает голову лошади.

Записал студент ЧИГУ Тагаев Сайд-Хасан в 1987 г. в Нихалое со слов своей матери Тагаевой Зунги (1929 г.р., нихало).

ЖЕНА ИМЕЮЩАЯ ЯХЬ[52]
(ЯХЬ ЙОЛУ ЗУДА)

На гунойской земле не жили нарт-орстхойцы (наьрт-аьрстхой). Потомки Гундала, основателя села Гуной (Гуьна), с самого начала не поладили с живущими по соседству людьми. Энокалойцы (эна-кхаллой)[53] поехали взять жену из Ведено. Устроив засаду энокалоевцам, которые везли женщину, гунойцы отбили ее, как трофей (цIетта). Потеряв надежду отплатить своими силами за оскорбление, нанесенное гунойцами, энокалойцы, обещав большое вознаграждение, позвали нарт-орстхойцев сразиться с гунойцами. Те нарт-орстхойцы перебили много гунойцев. В то время за энокалойцем была женщина из гунойцев. Эта женщина, не вытерпев избиения своих гунойцев, пригласила нарт-орстхойцев к себе в дом на угощение, и, напоив ядом, убила, сказывают.

Записано в Дишни-Ведено со слов Гайтукаева Мани 1889 г.р. Напечатано в «Орга», 1977, № 1 // НФ. Перевод Заурбековой Г.В.

ЗАКРИ[54]
(Кура Закри)

Жил, говорят, в Автурах всем известный гордый Закри. Он, говорят, любил ходить подбоченившись. В народе он был известен своими своеобразными поступками. Во-первых, ел он очень мало. Отправляясь в гости, он всегда брал собой ложку и вилку. Как бы много ему ни клали кушать, он только чуть притрагивался к еде. Всегда был справедлив и верил всему, что ему говорят.

Однажды родители отправили его в лес за прутьями, чтоб только посмотреть уберет он руку с бедра или нет. Гордый Закри подбоченившись, одной рукой рубил мечом плетень, потом клал меч на землю и относил плетень на телегу. Таким образом, он до вечера провозился, загружая одну телегу.

Гордый Закри был мужественным человеком. Он садился на коня, держа одну руку на бедре, другой доставал меч и дрался с врагами. Он не боялся пуль и товарищам поднимал дух восклицая: «Друзья, меня не настигают свинцовые пули противника». Он категорически отказался лечь в постель, когда получил ранения. Когда его просили лечь, чтоб дать ранам затянуться, он отвечал, что ему не подобает лежать, как корове.

Записала Л. Магомедмурзаева в с. Нойбера в 1962 г. со слов двоюродного брата по отцу Магомедмурзаева Косума, 1920 г.р. // Пхармат, 1992, № 2, с. 13—14. Перевод Хеди Цураевой.

Смерть Эла[55] Закри
(Эла Закрин Iожалла)

В Хоси-юрте жила одна очень красивая вдова. Влюбленный в нее Эла Закри часто ходил ее навещать. Эта женщина тоже хотела с ним видеться и общаться.

Однажды, Эла Закри возвращался от этой женщины домой, и влюбленные в ту женщину односельчане злобно его подкололи: «Идет, украв три рубля из-под циновки».

— Если украл, найдете на моем теле, — сказал он, доставая пистолет из кармана, и покончил с собой.

Эла Закри и Баматгирей-Хаджи
(Эла Закри а, Бамтгири-хьаьжа а)

Эла Закри получил весть о том, что к нему идут в гости князья из Грузии, Черкесии и Дагестана. Эла Закри впал глубокое уныние. Узнав об этом, Баматгирей-хаджи из Автуров сказал ему: «Закри, не грусти, ты не ударишь лицом в грязь».

Хорошо одетые и вооруженные автуринцы встретили гостей на лучших фаэтонах.

Закри веселился с гостями сначала дома, потом в лесу.

Князья удивились, с каким гостеприимством их принял Закри и на прощанье ему сказали: «Ты действительно Князь Закри, как о тебе рассказывают люди».

Гордость Закри
(Эла Закрин куралла)

Увидев в лесу высоко срезанную ветку, люди говорили: «Это Эла Закри срезал так, чтобы не нагибаться».

Записала Д. Исраилова в 1989 г. в с. Автуры, со слов Гапаева Абдуллы, 1932 г.р. (гуно) // Пхьармат, 1992, № 2, с. 14. Перевод Хеди Цураевой.

ЗЕЛИМХАН

I

Асалдир слышал, что когда Зелимхан ехал из Беной-Ведено в Дарго, то на границе между этими двумя селениями путь Зелимхану преградили такие же двое людей, приказав сойти с лошади, если ему дорога жизнь. «Это нетрудно, на, возьми лошадь», сказав, шедшего забрать лошадь, пинком опрокинув на спину, другому, сказав, чтобы поднял руки, направив револьвер, взяв в свою руку ружье свалившегося, он этих двоих, привел к мечети селения Беной. Собрав там их главных людей, сказав, что, если эти двое опять выйдут на большую дорогу, то знайте, что я их не оставлю в живых, когда Зелимхан произнес это, беноевцы Зелимхана поблагодарили и побратались с ним.

Рассказал Али из с. Алак Ботлихского района // Бакаров Мусса. Воспоминания об абреке Зелимхане, Грозный: 1990, с. 126.

II

Харачоевский Зелимхан имел очень много друзей из беноевского тайна. Беноевцы из Урус-Мартана участвовали в набеге на кизлярский банк, у беноевцев в Новых Атагах Зелимхан часто бывал на вечеринках. Аюб из Новых Атагов — близкий друг Зелимхана, говорят, тоже был из беноевского тайпа. Абрек Харачоевский Зелимхан дружил и с беноевским Буцусом (БуцIус), часто бывал у него в гостях. Буцус был старшиной Беноя. Одни жители Беноя его любили, другие беноевцы были им недовольны. Буцус был смелым и сильным человеком. Те, кто плохо относился к нему, стали наговаривать на него Зелимхану, что Буцус, как старшина селения, доносит о Зелимхане начальству, чтобы получить чин и повышение жалованья, хотя это было неправдой. Зелимхан сказал, что если Буцус доносит на него, то не блистать ему погонами и не есть ему большое жалованье, что он убьет его. Об этих словах Зелимхана узнал Буцус и, рассвирепев, тоже сказал, что убьет Зелимхана, когда найдет его.

Зелимхану передали слова Буцуса, и он поехал вечером к нему домой, однако в это время Буцус вместе с братьями находился в отъезде. У жены, которая находилась дома (по другим вариантам, это была дочь Буцуса), Зелимхан попросил принести кружку воды и, когда пил, сказал, чтобы та передала Буцусу, чтобы он

не говорил эти вещи, если настоящий мужчина. Сказав эти слова, Зелимхан уехал. Хотя больше ничего не было, но одна женщина со злым языком стала распускать по селению слухи, что Зелимхан позволил себе вольности по отношению к жене Буцуса. Всего этого было достаточно, чтобы между Буцусом и Зелимханом началась кровная вражда. Как раз в то время за голову Зелимхана была назначена большая награда (8 тысяч рублей). У Буцуса созрел план схватить Зелимхана живым и отдать его властям. Когда сообщили, что отряд Зелимхана схватил богатого тавричанина (А. Месяцева), то Буцус, знавший абреческие тропы, на всякий случай пошел вместе с двумя своими братьями БоргIаном и Межедом (по другому варианту — Хамзат.), а также с двоюродным братом Хангири в засаду. Когда абреки подъехали к засаде, то Буцус вышел из засады, заявив, что хочет поговорить с Зелимханом. Зелимхан подпустил к себе Буцуса, и Буцус схватил Зелимхана.

В это время оставшиеся в засаде братья Буцуса стали стрелять в абреков, убив двух ингушей и смертельно ранив третьего ингуша, убив брата и отца Зелимхана. Остальные абреки, отстреливаясь, стали уходить в чащу леса, уводя «тавричанина» с собой. В это время Буцус, который обладал очень большой физической силой, держал Зелимхана, обхватив его руками так, что тот не мог двинуться. Лежавший на земле раненый ингуш крикнул Зелимхану, что он стреляет, и чтобы тот отодвинулся. Уже терявший силы Зелимхан отодвинулся, и ингуш, держа винтовку на ноге, выстрелил в Буцуса и убил его (по другому варианту предания, в Буцуса стрелял не раненый ингуш, а Сулумбек Гаравожев). Зелимхан под выстрелами Боргана, Межеда и Хангири сумел спастись. Явившиеся вскоре родственники забрали трупы убитых. Желая отомстить за смерть отца и брата, Зелимхан через некоторое время ночью приехал в Беной и, войдя в дом Хангири, сказал ему, чтобы тот с ним вышел на улицу. Хангири был отважным и мужественным человеком и, не беря никакого оружия, кроме кинжала, сел на коня и смело поехал впереди Зелимхана. Удивленный Зелимхан спросил его:

— Хангири! Ты хотя бы знаешь, куда мы едем?

— Конечно, ты же приехал убить меня, Зелимхан.

— Но ты даже не теряешься.

— А что теряться, мы разве не умирать едем с тобой? — ответил Хангира.

Зелимхан засмеялся. Ему понравилась смелость Хангири. Доехав до окраины селения, Зелимхан сказал Хангири:

— Мне жаль убивать смелых людей. Иди домой, Хангири.

Сказав это, Зелимхан уехал в лес. Чуть позже Зелимхан подстерег младшего брата Буцуса — Межеда и убил его. На этом кровная месть между Зелимханом и родичами Буцуса закончилась»

Записал в 1990—91 гг. Далхан Хожаев. Информаторы: Хусейн Загибов, ст. Щелковская, 48 лет, бено; Сайд-Селим Абумуслимов, г. Аргун, 33 года, цIоьнтаро.

ИСПОЛНИВШЕЕСЯ ЖЕЛАНИЕ
(КХОЧУШХИЛЛА ЛААМ)

Некогда, люди пошли просить руки одной женщины. Удивительные имена были у них: одного звали «Сара» (Хворостина), другого «Iов» (Пшено), другого имя было «УьстагI» (Баран), один именовался «ЖIаьла» (Собака), другой — «Борз» (Волк).

Отец девушки воспротивился:

— У вас даже имена не похожи на людские. Моя дочь не сможет соблюсти обычай избегания (когда снохе нельзя произносить имена родственников мужа), она не подходит вам, — сказал.

Переночевав, на рассвете, очень расстроенные, сваты думали отправиться восвояси.

Утром, зайдя к отцу, девушка сказала:

— Ва дада, вчерашней ночью через плетень (серана «хворост»), между кольями (Iовний «пшено»), под лай того, кто говорит «гIалх-гIалх» (жIаьла «собака»), того, с которого мы берем шерсть, (уьстагI «баран») унес тот, кто ходит ночью (борз «волк»).

Так дочь дала понять отцу, что она справится с требованиями обычая, и хочет замуж.

Тогда отец отдал дочь сватам.

Напечатано 19 июня 1983 г. в газете «Шуьйта» // Пхармат, 1992, № 2, с. 116.

КАК НЕВЕСТА СТИРАЛА РУБАШКУ
(НУСКАЛО КОЧ ЙИТТАР)

Невестку привели, говорят, одного отца сыну. Закатав рукава, как горящее пламя быстро работала по дому невестка.

На свекре, нестиранная с момента ее пошива бязевая рубашка была. Жестами, дала понять невестка свекру, что рубашку бы она постирала. Отдал свекр рубаху. Никогда не стиранную, замызганную рубашку сноха в горячей воде постирала. Заношенная до дыр рубашка расползлась по швам.

— Вот досада (Ий байттамал яI)! — сказал свекр. — Напрасно ты ее постирала. Она ж у меня толстая стала, как подошва. Еще несколько лет я носил бы ее.

Записал Халид Ошаев. Сказитель не указан // Орга, 1963, № 1, с. 55.

КАК СВОЯЧНИЦЫ ЗЯТЯ РАЗЫГРАЛИ
(СТУНЙИЖАРША НУЦ ХЬОВЗОР)

Как войлок (бIегIол — диал.)[56] большие, закрывая рот нависая, рыжие усы имея, зять пришел в первый раз к родственникам жены, познакомиться.

Над ним подшутить задумали, было, своячницы. «Такие усы имеющий, как бы он меда отведал?» — задумали они, и большую чашу меда поставили перед зятем. Ложку не положили, и разогретую в печи кукурузную лепешку положили перед ним.

Понял зять, что еду эту поставили перед ним, чтобы разыграть его.

— Э, живите долго вы. Этот мед я очень люблю, — сказав, пододвинулся к чаше с медом.

«Как покушает он с такими усами», — подумав так, приготовившись посмеяться, ожидали своячницы.

Пододвинув чашу с медом, «уьхьу» сказав, два указательных пальца окунув в мед, распрямил оба уса, и прилепил их к щекам зять.

Потом он, принявшись за чашку с медом, за короткое время слопал его. От лепешки один маленький ломтик остался.

Сказал зять, застывшим от удивления своячницам:

— Ради бога, девушки, жалко этот кусок лепешки оставлять. Чтобы его закончить, с ним, распробовать вкус, еще чуть меда не нашлось бы?

Смутились девушки. «Меда больше нет», — сказали.

— Ну что же тогда поделаешь, — сказал зять, вздыхая, — зятя, таки, голодом сморить решили вы. Ничего. Эти мои два уса обсасывая, закончу этот кусочек лепешки.

Сказав это, зять, поочередно каждый ус засовывая

в рот, обсасывая и закусывая кусочком лепешки, закончил (трапезу).

Записал Халид Ошаев. Сказитель не указан // Орга, 1963, № 1, с. 56.

КАК ХИЛЬДЕХАРОЙЦЫ ОСВОБОДИЛИСЬ ОТ ДАНИ КНЯЗЬЯМ
(ХИЛДЕХЬАРОЙ ЭЛАШНА ЯЛ ТАКХАРХ ХЬАЛХА БОВЛАР)

Хилдехаройцы дишнойским князьям дань (ял) платили. В один год в Хильдехарой, убегая от кровников, пришли несколько нашхойцев (нашхо). «Если дишнойцев над вами княжеский гнет сбросим, дайте нам землю», — попросили нашхойцы. Хилдехаройцы согласились с просьбой своих гостей. Дишнойцы пришли в то самое время, когда они собирали дань. Нашхойцы их уничтожили. С тех пор хильдехаройцы не платили дань.

Записал Серажди Умаров в с. Итум-кале со слов Магомеда Борчашвили // «Орга», 1969, № 1, с. 46.

КРОВЬ ЗА НОЖНЫ
(БОТТ ЯЬККХИНЕХЬ-М ХЬАХА ДАРА ВАЙ ЦИЙ ІАНОР)

Саблю с позолоченной рукояткой в старые ножны положив и перепоясавшись ею, в соседнее село в гости пойти, вышел в путь известный своим высокомерием Бахарча (Баьхьарча).

В то время, когда он от села достаточно далеко отошел, ему повстречался один человек. Бахарчи меча золотую рукоятку увидев, остановился путник.

— Этот свой меч покажи мне, — попросил повстречавшийся.

Всегда своим мечом кичившийся Бахарча, из ножен вытащив, отдал меч. А тот, меч взял и сказал:

— Тебе он не нужен, иди своей дорогой!

Сказав это, и Бахарча оставив, там, где он был, ушел. Бахарча, не пойдя в гости, вернулся домой.

«Плохое слово — что иноходец (Вон дош йоргІа ду)» — говорят чеченцы. Бахарча еще не дошел до дома, а в селе уже говорили, что у него саблю отняли.

— Ой, Бахарча, отняв саблю, хорошо хоть ножны тебе оставили!» — сказали собравшиеся на аульной площади (пхьоха).

— Э-э, если бы отняли ножны мы бы без крови не

разошлись! — сказал, говорят, Бахарча, подкручивая свой рыжий ус.

Записал Жамалдин Махмаев. Сказитель не указан // Орга, 1963, № 4, с. 40—41.

ЛОВКИЙ ДИШНИЕЦ

Однажды чантийцы (чІаьнтий) поймали одного дишнийца (дишний) и посадили его в глухой первый этаж башни. Тут же послали сообщение к его соплеменникам, чтобы те готовили за него выкуп. Ночью, непонятно как, дишниец освободился от кандалов и выбрался из башни, хотя первый этаж не имел дверей, а только лаз в потолке, ведущий на второй этаж. Выбравшись, он, кроме того, угнал у тех, кто пленил его, табун коней. Наутро, старшины чантийцев собрались в ожидании выкупа, но тут выяснилось, что пленник сбежал, да еще прихватил их коней.

У нас, чантийцев, с дишнийцами складывались не простые отношения, но наши предки всегда считали их достойными людьми, на которых можно положиться, и храбрыми воинами. Хильдехаройцы тоже пользовались у нас большим уважением.

Информатор Супьян Минкаилович Хунаев, 1957 г.р., с. Алхазурово. Слышал от своего отца Хунаева Минкаила 1929 г.р. Записал Бызов И. в г. Москва.

МЕРЖОЙСКИЕ БРАТЬЯ
(МЕРЖАХЬ ВАЬХНА ШИ ВАША)

В Мержое[57], в селении, именуемом Дока-Бух[58], жили два брата. Тогда там больше никто не жил. Однажды, в бою с напавшей вооруженной шайкой (гІера), был убит один из двух братьев. Оставшийся брат, после этого, на утесе поверх Дока-Буха воздвиг две башни (гІала) — одну жене своего погибшего брата, одну — себе. Едва видные, если воззреть к небесам, еще стоят эти две башни, на утесе, недоступном для человека.

Записал в Серноводске, со слов Чергизова Исмаила, в 1969 г. Сиражди Умаров // Орга, 1970, № 1, с. 60.

МУЦУЛ И СЕККИ

Жил-был когда-то богатырь джайцев (жІай), князь, по имени Муцул[59]. Он ходил на чеченцев и брал с них дань. Так же поступал, он и в Мельхистах.

В те времена в Мельхистах был аул, населенный шестьюдесятью слепыми с шестьюдесятью лошадьми.

В этом селении у старой вдовы рос сын богатырь, по имени Секки. Секки обладал неимоверной силой, он был очень храбр. Об этом стало известно Муцулу и его народу.

Однажды, когда Муцул пошел на мельхистинцев за данью, по пути на горе Кул-Лам он сделал привал и послал к ним людей, чтобы они узнали настроение мельхистинцев, дадут ли они ему дань, допустит ли до этого их герой Секки.

Когда послы прибыли к месту, Секки сидел около бога Цуу (Цув) и мял в руках цельную бычью кожу. Когда эти люди ему сообщили о том, что Муцул идет на них, он от гнева побледнел, разорвал кожу на два куска и бросил на землю. При этом он сказал, что ни он, ни мельхистинцы отныне не платят ни Муцулу, никакому другому князю никакой дани. Когда Муцулу передали заявление Секки, он покинул гору Кул-Лам и отступил домой.

Как-то Секки пахал вдали от селения на паре волов; одной рукой он держал соху, другой сеял семена, а к ноге была привязана борона. К нему с пищей пришла жена и сообщила, что князь джайцев Муцул вошел в их селение и угоняет скот жителей. Как услышал об этом Секки, бросил работу и, схватив лемех, погнался за шайкой Муцула. Он их победил, скот у них отобрал и вернул жителям.

Убедившись в силе Секки и храбрости его, мельхистинцы выбрали Секки своим князем. И когда мельхистинцы обратились к нему с просьбой установить сумму налога, он сказал, что каждый дом ему обязан дать по мерке зерна и, что все невесты, которые будут выходить замуж на территории Мельхистана, должны будут провести с ним первые трое суток и только после этого они получат права на мужа.

Население приняло эти требования, и жизнь пошла своим чередом.

Одного жениха тревожила предстоящая свадьба: он не знал, каким образом он может свою невесту провести мимо Секки. Тогда этот молодой человек обратился к одному старику и спросил у него, может ли он сделать так, чтобы спасти свою невесту от Секки. Старик ему ответил, что для этого нужно убить Секки, а убить его можно только его собственной шашкой, ибо другая шашка его не возьмет.

Молодому человеку удалось украсть у Секки шашку, отдал он ее мастеру для переделки — изменить вид — и с этой шашкой пошел к Секки.

— Ты наш великий князь! Я хочу стать тебе верным воякой, и хочу купить у одного грузина вот эту шашку. Ты посмотри и скажи мне, можно ли эту шашку купить?

Секки посмотрел с одной стороны, с другой стороны и сказал, что это его шашка. Молодой человек уверял, что шашка украдена у грузинского князя, и он ее привез в Мельхистан, чтобы продать ее. Тогда Секки передал эту шашку молодому человеку и сказал:

— Если эта шашка моя, то она поразит меня; если не моя — не поразит. Поэтому для пробы ударь меня этой шашкой.

Он отдал шашку и стал к нему спиной. Молодой человек этого и хотел; ударом большой силы отсек у Секки голову. Голова покатилась с горы вниз и дважды пробормотала:

— Поныне нет князя в Мельхистах! Поныне нет князя в Мельхистах!

Вслед за этим все мельхистинцы вторили:

— И не будет князя в Мельхистах! И не будет князя в Мельхистах!

Люди похоронили Секки в глубокой пещере. А того молодого человека, который отсек голову, женили на той, которую он любил, и живут они и множатся. И с тех пор в Мельхистах не было князя, и мельхистинцы живут как горные орлы.

Записано в 1930 г. в с. Итум-кале. Сказитель не указан // ЧИФ, с. 249—251.

НАИБ
(НАИБ)

...Бывают люди такие храбрые — джигиты называются, смелые люди — ей бо!

Было у Шамиля много джигитов, один из них, Наиб, был всем джигитам — джигит. Случай с ним был однажды такой. Пробирался этот джигит горной тропой, и был он один... Случилось так — наверное в разведку ходил? А враги давно хотели его убить, да всё случая искали. Только в открытом бою нельзя было ни взять его, ни убить — храбр он был? и пуля его меткая была, и кинжал его, как жало змеи жалил.